

После завершения наказания ночь опустилась. Он открыл дверь и увидел, что Лю Цинтай все еще стоит на коленях во дворе, а красно-желтая перевязь запятнана кровью. Лю Цинтай сказал:

— Ученик был неосторожен, обидел наставника и заслуживает смерти, но прошу, прими эту перевязь. Благодаря твоим наставлениям я достиг сегодняшних успехов. Эта перевязь не из-за личных чувств, а лишь символизирует твою милость.

Он взял перевязь в руки и лишь через долго произнес:

— ...Ты занял первое место, и я, как наставник, действительно рад.

У него было много учеников, но душу из всех любил только один Лю Цинтай.

На плечи набросили одежду. Он слегка вздрогнул, обернулся и увидел Бай Иня:

— Думал, ты снова исчез.

Линь Юньшэнь улыбнулся:

— При таком сильном дожде, да еще будучи таким больным, куда я могу уйти?

Бай Инь ничего не сказал, просто молча стоял у него за спиной. Линь Юньшэнь вздохнул и позвал:

— Бай Инь.

— Ну.

— Ты не истер мои кости в пепел, не убил меня сейчас, а даже спас. Я очень рад.

— Я не убью тебя, — Бай Инь произнес у него за спиной. — Как я могу убить тебя?

Услышав это, Линь Юньшэнь запрокинул голову, глядя на капли воды, стекающие с карниза. Небо было светлым, черепица черной, и больше ничего не было видно. Он слегка приоткрыл губы в улыбке, и в его глазах словно вспыхнул свет.

Да, как он мог поверить, что Бай Инь убьет его.

— Знаешь ли ты, сколько людей говорят, что я белый волк, которого не приручить? Так говорил мой учитель, так говорили люди из семьи Хань, даже твой отец так говорил. Все в Поднебесной говорят, что я белый волк, который готов кусать всех вокруг.

— Если я скормлю тебе свою плоть и кровь, смогу ли я тебя приручить?

— прошептал Бай Инь.

Но его голос был тихим, и Линь Юньшэнь, казалось, не услышал.

Бай Инь смотрел, как Линь Юньшэнь с запрокинутой головой смотрит на дождь, стекающий с крыши. Он не мог видеть, что творилось в глазах Линь Юньшэня. Сумерки опустились на городок Таохуа, в котором не было ни живой души.

— Сегодня ты отрезал Лу Юаньхэ ухо. По его характеру, он непременно отомстит.

— Лу Юаньхэ, хоть и является единственным сыном клана Лу, но полное ничтожество. В даосских искусствах он не преуспел, да и в поведении высокомерен и груб, не унаследовав ни капли спокойствия и опытности своего отца. Лу Чжэндао прославился своей мудростью, но воспитал сына, недостойного выйти к людям.

Линь Юньшэнь редко слышал, чтобы Бай Инь так отзывался о ком-то за спиной. Сегодня, услышав это, он невольно улыбнулся:

— Я помню, раньше он просто меня ненавидел, а при виде тебя у него глаза загорались, и он всей душой хотел дружить с тобой. Почему же теперь, увидев тебя, он смотрит так, будто на врага?

— Он всегда чванился своим происхождением из знатной школы и презирал еретиков. Это нормально, — Бай Инь сказал. — На улице холодно, давай зайдём внутрь и поговорим.

— Я как раз хотел спросить: ты передавал мне свою духовную энергию?

Бай Инь кивнул:

— Твое тело... действительно в плохом состоянии.

И это еще мягко сказано. Боясь, что грядущая зима станет для него непреодолимым препятствием. Линь Юньшэнь сказал:

— Ты знаешь, что я больше всего боюсь смерти, я буду цепляться за жизнь любой ценой.

Услышав, что он боится смерти, Бай Инь, казалось, вспомнил о старом, и на его лице отразилась печаль. Линь Юньшэнь продолжил:

— Но мое тело уже такое, какое есть: не умрет, но и не поправится. Не трать впредь свою энергию на меня — это напрасно. Разве ты не слышал поговорку: добрые люди живут недолго, а злоумышленники тысячу лет. Твой отец часто говорил, что я злоумышленник и непременно проживет долгую жизнь. Видишь, в прошлый раз, даже когда была расставлена сеть неба и земли, я выжил — моя судьба очень крепка.

Бай Инь слегка улыбнулся:

— Главное — не старайся изо всех сил. Ты сказал, что кровохарканье не из-за Лу Юаньхэ, это из-за слабости тела?

Линь Юньшэнь, чье тело было слабым, насильно практиковал искусство иньских духов, и организм не выдержал, что привело к повреждению легких и кровотечению; Лу Юаньхэ с другими просто оказались здесь не вовремя. Но Линь Юньшэнь не ответил на вопрос Бай Иня, а лишь сказал:

— Нам пора заняться делами.

Они вернулись в комнату и снова установили иньский алтарь. Бай Сянь уже проснулся, но, видимо, впервые видел искусство Иньшань и выглядел удивленным. Бай Инь подошел к нему и тихо сказал пару слов, на что тот просто кивнул, не проронив ни звука.

Этот ребенок оказался очень послушным.

Чтобы узнать, что здесь на самом деле произошло и что за головы в канаве, нужно было

спросить кого-то другого. Городок Таохуа был городом призраков, поэтому они могли спрашивать только духов.

Спрашивать духов — это занятие не только еретиков, даже обычные shamankas могут это сделать; это называется «гуаньван». Но гуаньван обычно проводят женщины, так как в женщинах преобладает инь, а в мужчинах — ян, и слишком сильная янская энергия отпугивает духов, и они не смеют вселяться. Линь Юньшэнь собирался использовать бумажного духа, которого он выращивал в городе призраков.

В мире много духов и призраков, но самым кротким и безобидным является бумажный дух.

Об этом духе есть одна забавная история. Говорят, в прошлую эпоху, в некоем году, молодой человек по имени Цао Шэн отправился в столицу на экзамены. По дороге он остановился на постоялом дворе. Комнат не было, осталась только одна, но все говорили, что в ней водится привидение и жить нельзя. Цао Шэн с детства был смелым и настоял на проживании там. В полночь отворилась дверь и действительно вошел тонкий, как бумага, дух, который, развернувшись, превратился в красавицу. Появление такой красавицы среди ночи само по себе было жутким, но еще страшнее стало, когда она внезапно распустила волосы, высунула язык и приняла облик повешенной. Но Цао Шэн несколько не испугался, а женщина даже сняла голову и положила ее на письменный стол. Цао Шэн все равно не боялся, и дух исчез. Когда Цао Шэн возвращался из столицы, он снова остановился в этой комнате. В полночь в щели двери снова что-то зашипело и поползло — это был тот самый бумажный дух. Но как только он показался, Цао Шэн крикнул:

— Как, опять ты?

Дух, услышав это, побоялся войти и тут же сбежал.

После того как эта история распространилась, люди стали рассказывать её как анекдот, из чего видно, насколько кроток этот дух. Таких духов легче укротить, и с небольшим магическим воздействием они говорят только правду. Линь Юньшэнь открыл алтарь и начал ритуал, и вскоре Бай Сянь почувствовал дуновения холодного ветра, а у окна послышалось что-то вроде шороха. Он широко раскрыл глаза и увидел, что нечто тонкое, как бумага, вплыло в щель окна, а затем медленно развернулось перед алтарем, представ в виде женщины в белых одеждах с распущенными волосами. Тело духа было тонким и мягким, казалось, его можно сдуть дыханием. Она медленно склонилась, и все ее тело словно зыбко колыхалось, алые губы приоткрылись и произнесли:

— Хозяин.

— Знаешь ли ты, что за история с отрубленными головами в канаве?

Тело женщины, которая до этого казалась кроткой и прекрасной, вдруг дернулось, ее тонкое, как крылья цикады, тело почти свернулось, а на лице отразился ужас. Линь Юньшэнь строго произнес:

— Говори!

Дух снова содрогнулся, его костлявые пальцы вытянулись в сторону Линь Юньшэня, он уже собирался заговорить, как вдруг сзади налетел порыв холодного ветра. Бумажный дух издал пронзительный вопль и мгновенно свернулся в тонкий лист, выскользнув в щель окна наутек. Но сила алтаря все еще действовала, и бумажный дух не мог уйти далеко. Снаружи доносился его жалобный стон. Линь Юньшэнь не выдержал и снял заклинание, в этот момент ветер

распахнул окно. Линь Юньшэнь почувствовал, как холод промелькнул мимо него, а Бай Инь уже крепко обнял его и оттащил в сторону. Бай Сянь в испуге воскликнул:

— Там злой дух!

— Бай Сянь, защити своего наставника Линя!

Линь Юньшэнь не успел удержать Бай Иня, как тот уже выпрыгнул в окно. Деревянная створка еще раскачивалась, за окном зияла чернота, слышался лишь шум дождя. Линь Юньшэнь, собрав силы с трудом, дополз до окна и увидел, как вспышка молнии озарила весь городок Таохуа. Могилы стояли под дождем, зрелище было мрачным и жутким, один за другим раздались пронзительные вопли, от которых разламывалась голова. Бай Сянь потянул его к себе и быстро захлопнул окно:

— Мой наставник очень силен, наставник Линь, не волнуйся.

Линь Юньшэнь почувствовал, что в комнате что-то не так, будто снаружи на них смотрят бесчисленные глаза. Он задул в комнате масляную лампу, и помещение погрузилось во тьму. В этот момент снаружи ударила молния, и на оконной бумаге отчетливо проступили десятки колеблющихся человеческих силуэтов.

— Наставник Линь, нас... окружили злые духи!

<http://bllate.org/book/16677/1530249>